

Интервью профессора М.В.Горбаневского интернет-порталу Лента.Ру о проблемах топонимики.

«Сталинские трубачи притаились в кустах»

Кому нужны новые имена на российской карте

Столичные власти в мае объявили о планах присвоить имя Владимира Высоцкого тупикам возле театра на Таганке. Казалось бы, идея уже давно витала в воздухе, но за дело взялись лишь после того, как вопрос был поднят на прямой линии с президентом. Чьё имя станет следующим на карте? По какому принципу страна обогащается новыми топонимами? И почему мемориализация — это не всегда хорошо? Чтобы узнать ответы на эти вопросы «Лента.ру» обратилась к руководителю Гильдии лингвистов-экспертов, специалисту по топонимике, профессору Михаилу Горбаневскому.

«Лента.ру»: Сперва предложили переименовать улицы в честь Высоцкого. Затем в Мосгордуме поддержали идею улицы Бродского. Откуда такая тяга к переименованиям?

Горбаневский: К слову, до революции мемориальных названий практически не было. Эта череда переименований началась при большевиках. Умер начальник — надо срочно назвать улицу его именем. Это такой номенклатурный приём.

В честь Ленина называли улицы ещё при его жизни. Это была одна из форм борьбы с системой ценностей крестьянства — православием. Большевики подменяли систему ценностей историческую на ложную. Безликость советских названий стирает индивидуальность в наших городах и поселках.

Так может как раз тогда их переименовать?

Смотря как. В 2009 году московские власти решили присвоить одной из улиц имя Солженицына. Но если открыть роман «В круге первом», там он высмеивает советский приём мемориализации названий. Александр Исаевич даже в страшном сне не мог себе приставить, что его фамилию увековечат вместе с Шолоховым, Фадеевым и другими писателями, которые были верными служаками советской власти. Власть таким образом его унизила. Чтобы обойти действующий закон, власти внесли дополнение, разрешающее переименовывать улицы в честь тех, кто умер менее десяти лет назад, по решению президента и мэра.

Вы и против улицы Бродского?

Да, даже если речь идет про нобелевского лауреата. Ведь мемориальное название — это такой топонимический большевизм. Название — как монетка, оно затирается, когда люди используют его в устной речи в быту. Например, «вы на Бродского выходите?». Когда мы говорим о литераторе такого масштаба, было бы гораздо лучше, чтобы в его честь назвали какую-нибудь литературную премию. Но не улицу — не нужно унижать великого поэта таким решением.

Но ведь это справедливо не только для поэтов?

То же самое с улицей Кадырова. Когда такая улица появилась в Южном Бутово, москвичи возмутились ещё и потому, что был нарушен закон, который гласит: мемориальные названия могут присваиваться только через десять лет после ухода человека из жизни. В указе президента говорилось лишь о том, чтобы увековечить его память, но о том, чтобы называть улицу речи не шло. Тогда молодые ребята сняли табличку «улица Кадырова» и принесли её к ограде Белого Дома, а на нескольких домах в Бутово повесили самодельные таблички «улица Псковских

Десантников» — в честь тех, кто погиб в Чечне. Чтобы увековечить имя первого президента Чеченской Республики в Москве, стоило выделить постоянно действующие именные стипендии для талантливых студентов из Чечни имени Ахмата Хаджи Кадырова.

Но переименования всё равно происходят.

Топонимические памятники становятся сейчас объектом околополитических дразг. Например, в Москве строилась станция метро «Братеево», названная по географическому принципу. Но Нурсултану Абишевичу Назарбаеву очень захотелось, чтобы одна из станций московского метро была казахстанской. Никакого отношения к Алма-Ате эта территория не имеет. Наименования бывших подмосковных сел восходят к XIII-XIV веку, это часть истории Москвы. Оформление станции уже разрабатывалось под Братеево. Более того, местное муниципальное собрание и жильцы проголосовали за то, чтобы сохранить это название. Русское географическое общество направило письмо в администрацию президента в защиту исторического наименования. Но чиновники приняли совсем другое решение. Такой вот плод специфической взаимной любви высших властей России и Казахстана.

Политические силы используют топонимику в своих целях?

Топонимика временами превращается в место настоящего политического ристалища. Когда в СССР вошла Калининградская область, с карты Европы исчезли Кенинсберг и Тильзит, где Наполеоном и Александром I был подписан мирный договор. Вся территория области — перепаханное в политических целях топонимическое поле.

Но есть ещё и борьба за восстановление исторических корней. Например, городу Куйбышеву вернули его историческое имя — Самара. Благодаря солидарным действиям ученых и властей на карты после долгого перерыва вернулась старинная Тверь. Однако Симбирск до сих пор называется Ульяновск. А ценность исторического наименования Вятка подчеркивают даже в правительстве Кировской области.

Тем не менее даже в случае восстановления справедливости нередко возникает конфликт интересов.

Возвращение исторических названий — это извечный спор консерваторов и реформаторов. Но и тут нужно знать меру: нельзя на карте России просто взять и бездумно восстановить всё, что существовало раньше. Исторические названия заменялись по несколько раз. Здесь нужна взвешенная, сугубо научная, деликатная экспертиза. Топонимисты — это те же самые реставраторы. Однако любая реставрация носит духовный, в некоторой степени интимный характер. В советское время были стёрты многие названия-памятники. Периодически прокоммунистические силы протаскивают идею возвращения исторического названия Сталинград, пытаясь привязать это к определенным памятным датам. Но учёные говорят, что историческое название этого города — Царицын. Сталинисты хотят продавить через восстановление Сталинграда идею сильной руки, о чём очень многие мечтают. Эти трубачи сталинские притаились в кустах, они просто ждут сигнала, чтобы ломать и уничтожать физически «пятую колонну». С такими названиями шутить нельзя.

<http://lenta.ru/articles/2015/06/01/streets/>

